

Высшая ошибка

Сибирь... Мощно несет свои воды Енисей- Батюшка, как его называют сибиряки. Именно Батюшка, ибо кормильцем был до того, как отравили его ГЭС и заводы. Вот одно такое промышленное образование и раскинулось чуть ниже слияния Ангары и Енисея под названием Маклаково. На двадцать с лишним километром вдоль реки протянулись распиливающие зеленое богатство заводы. И появились рядом с Маклаково другие поселки, столь же безликие и серые. И понаехал сюда народ за длинным рублем. В летний сезон прибывало в эти места несчетно бродяжьего люда. Здесь можно было «бить пакеты» - складывать доски, а зарплату выдавали два раза в неделю и без документов.

А по Енисею тянулись километровые плоты, которые тащили трудяги-пароходики. Заводы перерабатывали миллионы кубометров древесины. И, пролетая на самолете над «зеленым морем тайги», можно было увидеть гигантские участки пустыни. Немилостивы были советские люди к природе, ох, и немилостивы. Но Советскому Союзу требовалось увеличить экспорт, и увеличивали.

Самые обстоятельные и серьезные оседали здесь. Сначала в щитовушках. Эдаких временных домиках со стенами из досочек с двух сторон, меж которых засыпались опилки. Но строили и относительно добротные. Так и возник район «Космос» из крепких брусовых восьмиквартирных домов. Жилье здесь получали особо квалифицированные специалисты, которых старались удержать. Получить здесь квартиру считалось престижно. Это уже позже возникли панельные пятиэтажные «хрущобы», когда решили собрать в кучу все эти несуразные поселки и создать город – столицу деревообработки.

В «Космосе» жили в основном рабочие, но встречались учителя и чиновники – работники всяких лесных контор. «Интелхгенция» мало чем отличалась от рабочей кости, ибо было одно объединяющее всех начало – пьянство. Пили здесь очень многие. В период полочки или аванса «Космос» погружался в загул. Сбиваясь в устойчивые группки «по интересам», население гуляло обычно неделю, но на работу ходило исправно. Так как сталинская генная память еще не выветрилась. Не пили в основном женщины, которые смиренно тащили на себе все заботы о детях и мужьях. Но равноправие стало проникать и в этот забытый Богом уголок. Много женщин прикладывалось к рюмке наравне с мужчинами. Женщины-пьяницы были более скандальными, нежели сильный пол, и более выпукло-характерными.

К середине семидесятых все отношения в «Космосе» между людьми выстроились, и микрорайон стал иметь свое лицо и характер. По замыслу отцов-основателей поселка, когда были сданы первые дома, микрорайону дали название в честь захватившей людские умы темы «космоса». Но полеты на орбиту со временем превратились в привычное событие, и не занимали уже ничего внимания. Но с юмором у жителей было всё в порядке, и космическая тема обрела совершенно иной смысл. Алкоголик-«алконавт» стал «космонавтом», «слетать в космос» - напиться, «встречаемся на орбите» - это у магазина на троих. Народный фольклор обыграл эту тему многогранно, и, если в эту местность забредал "чужеземец", то он ничего не мог понять в местном "диалекте", пока совместно не принимал пару бутылок беленькой на грудь. Тогда пришелец начинал с пониманием

вертеть своей пьяной головой и осознавать, что приближается выход в «открытое пространство», то есть полный отрубон.

И вот как-то раз в воскресенье собралась такая компашка в одном «летательном аппарате» - квартире. Пьянка бы и осталась ничем не примечательным событием, если бы не одно обстоятельство, осветившее ярким светом это застолье.

Было всё как обычно. Уже изрядно пропившееся после получки население «Космоса» стало ощущать дефицит «топлива», так как денег стало не хватать. Народ сбивался в кучки уже по пять-семь человек. Лишь бы унять дрожь во всем теле, приняв хоть по стопочке на брата.

Жила на улице имени космонавта Комарова супружеская пара Шатровых. Володя был хромым то ли кузнец, то ли автомеханик. Характером очень молчалив даже по пьянке, в отличие от своей супружницы Валентины, в народе Шатрихи, которая тверёзая тоже была немногословна, но, приняв стаканчик, становилась невыносимо-навязчивой. Гнусавым голосом вещала Нечто. Что она хотела сказать - вряд ли понимал даже её кузнец Володя, который иногда бил Шатриху за эту прилипчивость и несвязность речи. Но ей всё это было нипочем, и всё шло своим чередом.

Группировались компании каким-то совершенно неведомым человеческому разуму образом. На каком-то шестом чувстве, неизвестно какими телепатическими каналами связи информация распространялась с невиданной скоростью, и к горячительному слетались «космонавты».

В этот раз Шатровы выпивали с соседкой Эдитой, которую в народе называли Пьехой, хотя она была финкой по национальности и говорила с сильным чухонским акцентом. Была пышна телом, и всеми силами пыталась оставаться «приличной» женщиной. Хорошо по тем временам одевалась и работала в какой-то лесной конторе. Прикладывалась к рюмке обычно тихо и в одиночку, в компаниях не участвовала. Как её занесло в Сибирь - никто не знал, ибо неисповедимы сибирские пути-дорожки, и никого здесь ничем не удивишь.

Пьеха жила в одном доме с Шатровыми. Посовещавшись по-соседски, снарядили кузнеца Володю в магазин и он, как мог, хромая, сбежал за беленькой. Компания уже собиралась «причаститься», как послышался стук в дверь, и на пороге появились маленькие ростом супруги Горбоносоды, по-простому - Горбоносики. Делать нечего, и компания, слушая бурчание Вали Шатрихи о том, что «и самим, бля, мало, ходят тут всякие по утрам»... Все молча слушали.

Пьеха вдруг напряглась, так как ей показалось, что негоже «приличной» женщине распивать со всякими «горбоносиками». Но похмелье – дело тяжелое, и она все же осталась сидеть с напряженным мучнисто-белым пухлым лицом, недоступным, как профиль Екатерины Великой.

Компания заменила стаканы на стопки. В торжественном молчании, соответствующем важности момента, когда первая капля «амброзии» коснется стенок желудка, и по телу

пробежит легкая волна облегчения, все, не глядя друг на друга, приняли по первой. Через две минуты Саша Горбоносик изрек: «Эх, хорошо»...

"Причастившиеся" согласно закивали головами. Еще через две минуты все заговорили разом, не слушая друг друга. О чём говорили - сложно передать словами. Но тут увидели бредущую откуда-то с подозрительно оттопырившейся пазухой пальто, Машу Тишевскую. Горбоносик подскочил к окну и застучал по нему, призывно махая рукой. Маше, прозываемой «Княгиней», отступить было некуда, «космическая» взаимовыручка, понимаешь, никуда не денешься. Княгиня медленно и нехотя повернула к дому. Войдя, была встречена галдежом и радостными возгласами. С собой у неё оказалось два «бака» топлива, что радовало всех в ближайшей перспективе.

Маша, еще дрожа с похмелья, в одиночку приняла стопочку. Через минуту Княгиня заговорила. Речь её всегда была настолько сильно приправлена матом, как украинский борщ салом, что казалось - это один сплошной мат. По-другому Маша говорить не умела вообще. И, попадая в приличное место, в контору, к примеру, на замечания: «Как вы себя ведете?» недоуменно крутила головой: «О чем они?»

Деревенька на какой-то неведомой сибирской речке, где выросла Маша, была махчёнской. А махчёны – это такая как бы народность в Сибири, происходящая впрямую от каторжан. Нравственность в таких деревнях еще почуднее, чем в лагерях. Но одно ушло недалеко от другого. Мат там – норма повседневной речи. У Маши было трое детишек, и она тянула их одна. Периодически на год-два у неё приживались не оседлые мужики. Но не задерживались надолго.

Оттаяв после стопочки, Княгиня изрекла, что дома у неё погибает с похмелья Петька-сантехник. Горбоносик, как самый бегучий, без просьб понесся за ним. Не прошло и пяти минут, как они вернулись. Сантехника трясло не на шутку, ибо пил он практически безотрывно от производства. Его не выгоняли с работы ввиду ценности специалиста; ну, и видел кто-то на земле, да еще в Сибири, трезвого сантехника? Вот и я о том же....

Петю посадили, лицо его было белесо-синеватым, а губы какого-то неестественного фиолетового цвета. Трясло его так, как будто он слез с камнедробилки. Это такой огромный агрегат, которым дробят большие камни на щебенку. После года работы на таком агрегате человека еще два года трясет. Вот так трясло сантехника.

Общими усилиями в него кое-как влили стопку. Петя начал медленно возвращаться к жизни. Но синева на лице не прошла, и выяснилось, что сантехник прикладывался всю неделю к стеклоочистителю. Был такой «напиток» в семидесятые.

Выпили еще по стопочке, потом еще. Всем стало тепло и хорошо на душе. Даже Шантриха как-то подозрительно молчала, а не гундосила, как обычно. Тут к заплывшим и опьяненным уже мозгам Пьехи стала медленно подкрадываться мысль и туго там шевелиться. Поразило конторского работника то, что она находится в одной компании с Княгиней. Позор! Достоинство «приличной» женщины вступило в схватку с огромным желанием выпить. Они - Достоинство и Желание весь ковер пьехиной души истоптали.

Наконец, достоинство не выдержало и изрекло в сторону Княгини что-то, что де носит же земля таких вот "княгинь".

Это было большой-пребольшой ошибкой Пьехи. Ибо с детства закаленная в махчѣнских ругательных сражениях, Княгиня разразилась таким кудряво-неповторимым матом, что достоинство финки стало быстро искать укромный уголок, куда можно спрятаться от этого «ниагарского водопада» матов. Но матерная лавина неслась и неслась.

Всей компанией пыталась успокоить Марию. Это было очень трудной задачей, легче остановить немецкий танк «Тигр».

Стояли необычайный шум и гам, хотя в общем-то дело привычное для таких посиделок. Но тут удивила всех Шатриха, заорав и уставившись глазами в потолок. Думали, что сейчас начнет говорить свои инопланетные речи, по сравнению с которыми мат Княгини был художественным произведением. А она заорала еще раз и грохнулась на пол с табуретки, что и остановило матерный поток Княгини.

Компания сначала замерла от необычности ситуации, но Валентина продолжала орать и подогнула ноги к животу. Быстрее всех сообразил Горбоносик, что случился какой-то не связанный с похмельем приступ. Решили, что он, как самый быстрый, побежит в ЖКО (такая жилищная контора была), там есть телефон, и вызовет скорую. По пути зарядили прихватить еще пару бутылочек, и деньги ввиду экстренности ситуации нашлись.

Сашка вернулся быстро. Шатриху переложили на кровать, где она периодически орала или просила налить ей стопку. Стопку ей не наливали. На что она жалостливо плакалась, либо опять начинала кричать от приступа боли.

Скорая приехала очень быстро. Компания уговорила фельдшера-мужчину принять до осмотра стаканчик, от чего он не стал отказываться. Выпив и крякнув от удовольствия, похрустывая огурчиком, медик приступил к осмотру.

Потыкав Шатриху пальцами в живот, фельдшер вынес вердикт: «Забираем».

Валентину, в этот момент отпустило, и она опять запричитала гнусаво, что как ей ехать в больницу, не выпив. Компания ушла в полемику: можно ли в таком состоянии? Медик изрек, что нельзя, наркоз не подействует. Скорее всего, будет операция.

Всей компанией решили ехать с Шатрихой, чтоб знать её ближайшую судьбу. Фельдшеру налили еще полстакана и положили больную на носилки, которые принесли из УАЗика. Галдя и рассуждая, что такое может быть с больной, компания с фельдшером и больной на носилках двинулась к машине. Но на лестнице кого-то качнуло и Шатриху уронили, от чего она заорала пуще прежнего. Кое-как погрузили тело в УАЗик и кое-как расселись в машине.

Приехали быстро, в приемном покое Шатриха орала особенно громко. Пожилая медсестра позвонила дежурному хирургу, чтоб тот пришел на осмотр. Через пять минут вошел крепко поддатый хирург Тазмин, которого знал весь поселок за его любовь к выпивке и добрый беззлобный характер. Это был коренной сибиряк-хакас, представитель большой

когда-то сибирской народности, которая долго воевала с покорителем Сибири Ермаком. Тазмин тоже потыкал больную в живот и изрек: «Аппендицит, готовьте к операции», и пошел одеваться. Шатриху быстро погрузили на переездной стол и увезли две медсестры.

Пьяная компания еще погалдела, выпила на крылечке и побрела домой, намереваясь по пути завернуть еще разок в магазин.

Больную привезли в операционную, переодетый хирург решил сам с собой какой же наркоз применить, совместимый с алкоголем. Что-то придумав, сказал медсестре, и та набрала чего-то в шприц. Доктор ввел лекарство в вену, и Валентина затихла.

Аппендицит доктор вырезал, наверное, сотни раз. Это было для него настолько привычной операцией, что он теоретически мог делать это вслепую. В этот раз всё шло как обычно. Доктор сделан надрез с правой стороны живота, развел в стороны кожу, но привычного зрелища не обнаружил. Помотав головой с мыслью: «Вот нажрался вчера, что чудится невесть что...», доктор еще раз взглянул в разрез, но привычных в этом месте кишок и аппендикса не было.

Доктор не на шутку озадачился и решил быстро принять мензурку спирта. Кровь свежим потоком ударила ему в голову. Хирург опять подступил к телу и удлинил разрез, но аппендикса не было.

Доктор стал пристально изучать кишки в зияющем разрезе, его прошиб пот, и легкий озноб пробежал по телу. Он поднял свою руку и спросил медсестру: «Какая это рука?» Та даже не поняла вопроса. Доктор уточнил: «Левая или правая?»

Медсестра осуждающе взглянула на доктора, мол, меру бы вам знать с алкоголем.

Удрученный хирург присел рядом с телом, ему мерещились всякие несуразицы. Он задумался и сидел, облокотившись на руку, размышляя о психических заболеваниях. Нужно бы с психиатром Петровым поговорить. Доработался, называется...

Медсестра вопросительно смотрела и не могла понять, что происходит с доктором.

Но вдруг какая-то резкая мысль пронзила его, и он начал зашивать разрез, потом поручил закончить медсестре. А сам подошел к шкафу и налил себе еще мензурку, отодвинув маску, выпил. Походил по операционной, сестра заканчивала шов.

Вдруг очнувшаяся Шатриха в полупьяно-наркотном бреду выдала: «Да, пошел ты на хер...». Тазмин набрал еще лекарства в шприц. Больная опять успокоилась.

Хирург подошел к больной, резко скомандовав сестре : «Скальпель». И сделал надрез с левой стороны живота, раскрыл лепестки кожи и увидел аппендикс. После чего сделал операцию очень быстро. Это было уже привычно, но необычно и как-то не с руки.

После чего сделал большую и обстоятельную запись в операционный журнал.

Утром главврач больницы был в большом недоумении, читая записи доктора Тазмина. Но, осмотрев больную, оба врача убедились, что у отошедшей от наркоза, но не от похмелья,

больной все органы расположены наоборот. Такого они не встречали даже в медицинских учебниках.

Главврач написал в Крайздрав обстоятельную докладную, но там на неё не обратили внимания. Недавно я узнал, что подобный случай встретился где-то в Америке. Так там этого уникала десятки лет наблюдали, и он был всю жизнь на государственном довольствии. Не там Шатриха родилась с этой высшей ошибкой природы.

Вернувшись из больницы Валентина по пьяни демонстрировала свой живот, толком и не поняв, за что её разрезали с двух сторон... А хирург Тазмин не пил водку целый год, что для этих мест – редкость...